

оригинальная статья

Современные принципы лексикографической интерпретации психической лексики (на примере нормативного толкового словаря)

Заманова Илона Владимировна

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Россия, Пушкин

<https://orcid.org/0000-0001-7612-6433>lizhecu@163.com

Поступила в редакцию 11.09.2022. Принята после рецензирования 23.11.2022. Принята в печать 28.11.2022.

Аннотация: Произведен анализ лексикографирования психической лексики в диахроническом аспекте, показавший, что на протяжении длительного времени предпочтительным способом толкования был синонимический ряд, позже стало привлекаться иллюстрирование примерами (в обоих случаях можно говорить о направленности толкования на концепт). Но такой способ не решает проблем словаря, ориентированного на межкультурные связи, поэтому в условиях глобализации и информатизации в XX в. стали развиваться нетрадиционные толкования, описывающие не концепт, а прототипическую ситуацию, с которой он связан. В настоящем исследовании предлагается несколько принципов формирования словарного выхода психической лексики. Принципы касаются языка толкований, подаваемой семантической информации, параметров и структуры семантемы. Подход обоснован связью языка и восприятия, утверждается, что в психической лексике кодируется реакция сердца как органа (*любовь, ярость, безмятежность, покой, отвращение*). Это позволяет отграничить психическую лексику от абстрактной (*добро, зло, справедливость, демократия*), которая не кодирует телесные реакции. Выдвигается положение о том, что сема *сердце* присутствует имплицитно в семантической структуре психической лексики (в научной литературе лексема *сердце* рассматривалась лишь в сопоставительном, концептологическом и метафорическом аспектах). Автор полагает, что денотативное пространство психической лексики – это сложная когнитивная конструкция: оценка / реакция сердца / желание. Также обосновывается семантическая разница архисем *чувства, эмоции, состояния*. Группы слов, объединяемые этими архисемами, демонстрируют разные валентностные, словообразовательные и прагматические свойства. Предполагается, что в плане структуры многозначности психической лексики чувства и свойства имеют потенциал к развитию значения состояний; физиологические состояния регулярно порождают переносные значения психических.

Ключевые слова: психическая лексика, толкование эмоций, восприятие, сердце в языке, метаязык толкований, прототипическая ситуация, архисемы, типы лексических значений

Цитирование: Заманова И. В. Современные принципы лексикографической интерпретации психической лексики (на примере нормативного толкового словаря). *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 1. С. 10–26. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-1-10-26>

full article

Modern Lexicographic Interpretation of Psychic Vocabulary: A Standard Explanatory Dictionary

Ilona V. Zamanova

Pushkin Leningrad State University, Russia, Pushkin

<https://orcid.org/0000-0001-7612-6433>lizhecu@163.com

Received 11 Sep 2022. Accepted after peer review 23 Nov 2022. Accepted for publication 28 Nov 2023.

Abstract: This article describes the lexicography of psychic vocabulary in a diachronic aspect. For a long time, synonymic chains were the most common way of its interpretation, examples being a more recent lexicographic invention. However, both methods are concept-oriented. Unfortunately, neither of them solved the problems of a dictionary aimed at intercultural relations. The current globalization and informatization triggered non-traditional interpretations that describe not the concept, but a prototypical situation, which is associated with it. This study introduces several principles of interpreting the psychic

vocabulary. These principles relate to the language, semantics, parameters, and structure of the semanteme. The approach is based on the connection between language and perception. For instance, the psychic vocabulary encodes the reaction of the *heart* as an organ (*love, rage, serenity, peace, disgust*). Therefore, the psychic vocabulary is different from the abstract vocabulary (*good, evil, justice, democracy*), which does not encode bodily reactions. The author believes that the seme 'heart' is implicitly present in the semantic structure of the psychic vocabulary. Scientific literature features the lexeme of *heart* in comparative, conceptual, and metaphorical aspects, but not as an implicit component. Thus, the denotative space of the psychic vocabulary is a complex cognitive construct structured as 'assessment / reaction of the heart / desire', represented by the archisemes of feelings, emotions, and states. Words united by these archisemes demonstrate different valency, word-building, and pragmatic properties. In terms of the structure of the psychic polysemy, feelings and traits have the potential to develop the meaning of states, and words that denote physiological states generate figurative meanings of mental states.

Keywords: psychic vocabulary, interpretation of emotions, perception, heart in language, language of interpretations, prototypical situation, archisemes, types of lexical meanings

Citation: Zamanova I. V. Modern Lexicographic Interpretation of Psychic Vocabulary: A Standard Explanatory Dictionary. *SibScript*, 2023, 25(1): 10–26. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-1-10-26>

Введение

Психическая лексика (ПЛ) – особый пласт лексики естественного языка, план содержания которой отличается повышенной диффузностью и субъективностью. Лексико-семантические поля данного слоя тесно взаимодействуют между собой, затрудняя стратификацию смыслов. Например, трудноразличимы границы полей следующих типов: симптоматическая лексика (*улыбаться, побелеть, вскрикнуть, скукожиться*); лексика, непосредственно номинирующая психическую реакцию (*тосковать, любить, злиться, блаженствовать*); лексика, выражающая психическую реакцию, но не номинирующая ее (*ах!, ох!, ой, батюшки!, да ладно!, горюшко-то какое!*); сюда же примыкает разнородная коннотативно окрашенная (*негодник, голубушка, отродье, травушка*) и фразеологически связанная (*без зазрения совести, тише воды, душа ушла в пятки*) лексика. Тесно переплетаются психическое и мыслительное (*он насторожился* эквивалентно 'он боялся' + 'он сосредоточил внимание'), психическое и речевое поля (*он промямлил* эквивалентно 'он стыдился' + 'он говорил невнятно'). Согласимся с замечанием С. В. Ионовой и А. А. Штебы, что отличительными чертами полей ПЛ являются производность, контаминация, диффузность, синкретизм, интегративность, стяжение [Ионова, Штеба 2019: 66–67]. Частая метафоризация смыслов, изоморфизм физического и духовного состояний не позволяют точно разделять прямую и переносную номинацию (*прятаться от мира / людей* – прямое или переносное значение; *анабиоз* – психическое или физиологическое состояние). Психическая лексика противопоставлена предметной (тематические группы одежды, предметов быта, природы и др.) по качеству денотата: в ПЛ он неосознаваемый и невидимый, поэтому принцип В. В. Морковкина о том, что «содержательная, понятийная сторона лексики может быть систематизирована по типу и подобию систематизации событий, предметов и процессов реального мира» [Морковкин 1977: 18], к ПЛ не совсем применим. А. В. Калинина и А. С. Фалеева замечают: «Наиболее

трудной для интерпретации результатов компонентного анализа является группа существительных, обозначающих эмоциональные состояния, так как любая эмоция сама по себе является преходящей ('временность'), эмоции часто бывают сложными, противоречивыми ('сочетание признаков X и Y'), им свойственны нарастание и ослабление интенсивности ('динамичность')» [Калинина, Фалеева 2021: 34]. Наконец, ученые не пришли к согласию по вопросам разграничения эмоциональной и эмотивной лексики: «Одним из наиболее спорных вопросов является трактовка и употребление таких смежных понятий, как *эмоциональность* и *эмотивность*» [Сажина, Семак 2019: 572] (эмоциональны или эмотивны лексемы с коннотативным компонентом; как параметризовать эмоциональность в словаре и т. п.).

Все вышеперечисленное делает ПЛ трудным объектом лексикографирования. Анализ семантической структуры ПЛ, описание ее когнитивной базы являются актуальными направлениями в теории лексикографии. Практическая актуальность заключается в необходимости создания общих и частных идеографических словарей (как свободной, так и фразеологически связанной лексики). Анализ существующих лексикографических трудов позволяет констатировать факт: несмотря на довольно высокую степень разработанности проблемы, рано говорить о ее окончательном решении. Идеографическая лексикография ПЛ осложняется вопросами о совмещении трех типов классификационных сеток (грамматический, акциональный и тематический типы). Данный пласт представлен различными частями речи: существительными (*тоска*), глаголами (*тосковать*), наречиями (*тошно*); его предикативность разнородна: стативы (*он находился в каком-то непонятном смятении вот уж второй день*), процессы (*она мало-помалу привязывалась к этой незнакомой женщине*), события (*он до такой степени огорчился, что не мог вымолвить слова*); на основании синтагматического

и парадигматического критериев тематические группы (*радость, злость, удивление, печаль*) четко выделяются в системе, но при этом расходятся по разным грамматическим и акциональным полям.

Поскольку составители идеографических словарей производят отбор материала из толковых системных словарей и осуществляют компонентный анализ дефиниций, первостепенными задачами представляются разработка принципов толкования ПЛ, обсуждение структуры словарной статьи. Толкования должны предоставлять правильную семантическую информацию и быть максимально унифицированными, т. е. единообразно толковать слова с общими категориальными смыслами. Именно на это ориентировано наше исследование. Цель – на основе изучения отражения ПЛ в самых первых доступных, а затем – в современных словарях составить круг вопросов лексикографирования ПЛ и блоком предложить вероятные пути их решения. Практическая цель преследует возможность создания Толкового словаря психической лексики русского языка, учебных пособий для иностранных студентов и переводчиков.

Новизна исследования заключается в том, что автор предлагает использовать новый тип дефиниций ПЛ (не синонимический, не иллюстративный, не логико-формальный), который подразумевает описание денотата (прототипических сердечных, умственных и поведенческих реакций), настаивает на неприемлемости взаимозаменяемости категориальных сем *состояние, чувство, эмоция, свойство*, обращает внимание на непоследовательное выделение значений психических лексем в толковых словарях и описывает типы значений, которыми потенциально может быть представлена психическая семантика.

Материалы и методы

Материал исследования варьируется: в первой части отбирались дефиниции ПЛ из 14 толковых словарей (или словарей с элементами толкового), изданных в 1653–2022 гг. Сравнивался весь пласт лексики, полученный методом сплошной выборки, однако детальное обобщение словарных дефиниций (по методу И. А. Стернина) проводилось на материале четырех лексем: *ярость, тоска, любовь, блаженство*. Выявлено, что ряд представлен в словарях не в полном составе, поэтому в статье в большинстве случаев положения иллюстрируются лексемой *любовь*: она наличествует почти во всех словарях. Во второй части материалом явились словарные статьи 78 психических лексем, предварительно отобранные из Малого академического словаря под редакцией А. П. Евгеньевой. По результатам компонентного анализа лексем было выяснено наличие

в них имплицитной семы *сердце*. Сопоставительный анализ лексем *терпение, тоска, гнев, обида, любовь, скука* и некоторых других в русском и китайском языках показал универсальность имплицитной семы *сердце*. Третья и четвертая части исследования проводились на материале дефиниций 2000 лексем, отобранных из Большого академического словаря под ред. К. С. Горбачевича (1–25 том) и Словаря современного русского литературного языка под ред. В. И. Чернышева (13–17 том). Рассмотрены употребление в словаре категоризирующих компонентов дефиниций, таких как *состояние, чувство, свойство*; количество и характер выделенных значений и омонимов. Также лексемы изучались с точки зрения функционирования в контексте, для чего привлекался материал двух корпусов русского языка: Национального корпуса русского языка (НКРЯ)¹ и Карты слов и выражений русского языка²; материалы чатов и публицистика сети Интернет. Дистрибутивный анализ, проведенный с использованием метода отрицательного языкового материала, позволил сделать важные выводы о семантике исследуемых единиц. Наконец, в последней части представлен экспериментальный образец толкования лексемы *любовь*, проверенный методом компонентного синтеза с участием десяти носителей русского языка.

В целом можно говорить о применении комплексного ономазиологического и семасиологического методов исследования, т. к. мы изучали репрезентацию понятия *психика* в языке (дедукция), а также функционирование этой лексики в языковой системе (ее парадигматику, синтагматику, эпидигматику), т. е. собирали языковой эмпирический материал и анализировали его (индукция); полученные данные были применены в теории лексикографии.

Оригинальность методологического подхода состоит в системности, когда предмет (принципы подачи семантической информации ПЛ в толковом словаре) освещается программно, а не пообъектно в разных исследованиях: представлена холистичная система объектов – типы дефиниций в развитии, структура дефиниции, структура семантемы.

Под психической лексикой мы понимаем пласт лексики различной частеречной принадлежности, в семантике которой имплицитно присутствует сема *сердце*. Между вариантами имен тематической группы *психическая лексика* или *психологическая лексика* был выбран вариант *психическая* (греч. *psyche* – душа), т. к. он не содержит компонент *logos* – наука. Согласно классификации Ю. Д. Апресяна, ПЛ в системе человек образует подсистемы *желания* и *эмоции* [Апресян 1995а: 42]; хотя подсистемы *мышление* и *речь* тесно связаны с подсистемами *желания* и *эмоции*, в данной статье мы не рассматриваем их по причине доминирования семы *мозг*. Под семой понимаем минимальный

¹ НКРЯ. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 02.02.2023). Далее по тексту ссылки на примеры из данного корпуса будут приводиться как (НКРЯ).

² Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru/> (дата обращения: 02.02.2023). Далее – (Карта слов).

компонент смысла лексической единицы, который может быть выведен путем компонентного анализа состава конкретного семантического поля; под архисемой понимаем опорное (категоризирующее) слово *толкования*; термин *толкование* используется в статье в двух значениях: 1) лексико-стилистическая и грамматико-функциональная характеристика языковой единицы в словарной статье; определение значения с точки зрения наивной картины мира [Дубичинский 2009: 393] (в этом значении употребляется синоним *дефиниция*); 2) процесс логического раскрытия содержания плана выражения словесного знака, подчиненный требованиям отсутствия стилистической образности [Караулов 1981: 284–285] (в этом значении никогда не употребляется синоним *дефиниция*). Мы признаем гипотетический статус любой дефиниции. Как удачно заметила А. Вежицкая, «дефиниция – это гипотеза о содержании слова»³ [Wierzbicka 1992: 551]. Под лексемой мы понимаем слово в совокупности всех лексических значений.

Степень изученности проблемы

По точному замечанию Н. Д. Голева, «лексикография представляет собой не столько технику, сколько идеологию», «лексикографирование... является способом познания языка» [Голев 2021: 7]. Лексикография на современном уровне развития – это не хобби, не коллекционирование, не средство подсчета слов, а метод изучения дискретности языка, союз семантики и глобального пространства картины мира. В настоящее время невозможна лексикография без хорошо разработанной семантической базы. Поэтому лексикографирование ПЛ мы представляем двумя блоками: теоретическим (таксономические, акциональные классификации, семасиологическое изучение отдельных лексем, разработки метаязыка толкований, концепции словарей) и практическим (непосредственный выход словарей как печатных или электронных продуктов).

Теоретический блок статьи составляют монографии (А. А. Зализняк, А. Г. Бабенко, В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, М. И. Лазариди, В. И. Шаховский) и многочисленные статьи по теме. В 1989 г. А. Г. Бабенко писала, что количество монографий по проблемам ПЛ оставляет желать лучшего [Бабенко 1989: 5], в настоящее время по-прежнему не хватает крупных теоретических работ. По нашей оценке, около 90 % научных трудов посвящено сопоставительному анализу отдельных психических лексем, результаты таких исследований отражены в диссертациях и публикациях,

т. е. во вторичной литературе. Нами отмечен недостаток комплексного анализа психической лексики в целом. Л. А. Киселева, сделав обзор направлений изучения эмоций в языке, заметила, что «современные работы в области отечественной эмотиологии демонстрируют постепенный переход от анализа содержательных и структурных особенностей лексических / грамматических эмотивов, различных типов их связей и т. д. к изучению коммуникативно-прагматической обусловленности использования данных единиц в текстах разной стилистической, жанровой, тематической отнесенности» [Киселева 2022: 44]. Среди многочисленных аспектов (преимущественно лингвокультурной и сопоставительной направленности) не был выделен аспект лексикографирования ПЛ по причине малого количества работ по этой проблематике.

Практическая часть представлена лексикографическими продуктами: идеографическими (свободной и фразеологически связанной ПЛ) и толковыми словарями. Среди идеографических можно выделить словари Н. Ю. Шведовой (третий том имеет рубрики «Духовный мир», «Состояние человека»)⁴, а также серию словарей А. Г. Бабенко⁵.

А. М. Эмирова одна из первых обозначила фразеосемантические тематические поля эмоций: возмущение, гнев; тревога, горе; страх, ужас; отчаяние; смущение; стыд; удивление; радость; восторг; восхищение; любовь; успокоение [Эмирова 2008: 159]. Первым законченным словарем такого типа стал словарь Р. И. Яранцева, который заметил, что в сравнении с обычной лексикой фразеология более связана с выражением чувств человека⁶.

В словаре-тезаурусе эмотивной лексики А. Г. Бабенко пришла к заключению о необходимости совмещения нескольких сеток классификаций, на чем настаиваем и мы. «На данный момент... сложилось представление о многоступенчатости репрезентации эмотивной лексики в словаре, обусловленной когнитивными стратегиями ее рассмотрения и полипарадигмальностью структурной организации ее лексико-семантического поля. <...> Подобное многоступенчатое таксономическое представление эмотивной лексики в словаре позволяет осуществить ее многопараметровую интерпретацию, обнаруживающую пересекаемость и взаимодействие на разных уровнях ее иерархической структуры, что невозможно сделать при одностороннем (монопараметровом) описании»⁷. А. Г. Бабенко внутри тематических классов (см. класс *влечение*) выделяет: эмоциональное состояние (*влюбленный, вождение*),

³ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

⁴ Шведова Н. Ю. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. М.: Азбуковник, 2003. Т. 3. 629 с.

⁵ Бабенко А. Г. Алфавит эмоций: словарь-тезаурус эмотивной лексики. Екатеринбург-М.: Кабинетный ученый, 2021. 432 с.; Бабенко А. Г. Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. М.: Аст-Пресс, 1999. 704 с.

⁶ Яранцев Р. И. Русская фразеология. Словарь-справочник: ок. 1500 фразеологизмов. М.: Рус. яз., 1997. С. 6–7.

⁷ Бабенко А. Г. Алфавит эмоций... С. 18.

эмоциональное отношение (*благоволить, влечение*), становление эмоционального состояния (*бредить*), эмоциональное воздействие (*аппетитно, завлекать*), внешнее выражение (*не выражено*), эмоциональная характеристика (*азартный*), эмоциональное качество (*наклонность*), человек как средоточие и носитель эмоций (*симпатия*)⁸.

Количество тематических групп значительно отличается у разных исследователей: Л. Г. Бабенко выделяет 39 базовых эмоций⁹, М. И. Лазариди – 6 (страх, беспокойство, злость, грусть, радость, стыд) [Лазариди 2010: 14], В. И. Шаховский – 85 Шаховский 2009: 137–138].

Идеографическая интерпретация ПЛ привлекала больше внимания, чем ее отражение в толковых словарях. Наиболее структурированными и объективными в этом отношении нам кажутся толковые статьи московской семантической школы¹⁰. Объемные и предельно точные дефиниции содержатся в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка: *тоска, уныние, печаль, грусть* (Е. В. Урысон), *жалость, сочувствие, сострадание, участие* (И. Б. Левонтина), *любить 2, обожать* (Ю. Д. Апресян), *бояться 1, пугаться, страшиться, опасаться, трусить, дрейфить, робеть, трепетать 2, дрожать 2, трястись 2* (В. Ю. Апресян).

Отдельный толковый словарь психической лексики, который предоставил бы унифицированные и содержательные словарные статьи, пока не был предложен.

Обобщение существующих в отечественной лексикографии теоретических и практических разработок в области ПЛ позволяет выделить 3 научные платформы (школы): московскую (В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Л. Л. Иомдин, Л. Н. Иорданская, Е. В. Падучева, Е. В. Рахилина); уральскую (Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин, Э. В. Кузнецова, Е. И. Плотникова); волгоградскую (С. В. Ионина, В. В. Леонтьев, В. И. Шаховский). На данном этапе представляется необходимым сотрудничество школ и поиск путей унификации методов лексикографирования.

Подробное представление о содержании психических понятий в ненаучной картине мира носителя русского языка дается в словарях энциклопедического характера: *Качества личности человека от А до Я* (более 3000 статей)¹¹ и *Основы духовной культуры*¹².

Результаты

Лексикографирование психической лексики в диахроническом аспекте

В Лексиконе славеноросском Памвы Беринды отмечается синонимический способ толкования ПЛ, например, любовь определена как «милость, дружество, приятельство»¹³. Отметим, что конкретные лексемы также толкуются синонимически, возможно, это обусловлено прикладным (к толкованию церковных книг) характером словаря.

Словарь Академии Российской вводит описательный способ для наиболее значимых понятий с примерами из текстов Священного Писания и известных литераторов: «Любовь, ви. ж. Склонность душевная к другому, побуждающая нас в благополучии его находить услаждение; также приверженность, прилепленность к кому или к чему. За премоноую любовь свою, ею же возлюбил нас. Ефес. 2:4. Над всеми же сими стяжите любовь. Колос. 3:14. Любовь к Богу, к ближнему. Любовь родительская, сыновняя. Взаимная любовь. Гореть ко всему любовью. Оказывать кому искреннюю любовь. Любовь к вольности»¹⁴.

Большинство психических лексем демонстрирует синонимический тип толкования: «Блаженство, ва. с. Благополучие, счастье, благосостояние, совершенное удовольствие. Яко же и Давид глаголет блаженство человека, ему же вменяет Бог правду без дел закона. Рим. 4:6. Бессмертия достойный муж, Блаженства нашего причина, Завистливым отторжен роком. Мих. Ломоносов. 2. Иногда приемлется за то учение Христово <...>. Девять блаженств Евангельских»¹⁵.

Интересно, что предметная лексика толкуется более чем энциклопедично. Так выглядит словарная статья *лебедь*: «Птица водная, прилетная, величиною вдвое больше гуся; цветом вся белая; клюв у нее черный, полукруглой, при основании коего находится мясистая шишка, у диких желтоватая, у дворовых черная; ноги, лапки и соединяющая пальцы перепонка свинцового цвета. Водится по займищам и озерам»¹⁶.

В Словаре церковно-славянского и русского языка также предпочитается синонимический ряд, лишь для некоторых лексем вводятся довольно полные описания, например, тоска – «беспокойство, соединенное

⁸ Там же. С. 59–62.

⁹ Там же. С. 26.

¹⁰ Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь русского языка: опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. 2-е изд., испр. М.: ЯСК, 2016. 544 с.; Активный словарь русского языка, отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: ЯСК, 2014. Т. 1. 408 с.; Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп., под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.: ЯСК, 2003. 1488 с.

¹¹ Ковалев П. Д. Качества личности человека от А до Я. URL: podskazki.info (дата обращения: 02.08.2022).

¹² Безрукова В. С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург, 2000. 937 с.

¹³ Беринда П. Лексикон славено-росский и толкование имен. Кутеин: Тип. Богоявленская, 1653. С. 84.

¹⁴ Словарь Академии Российской. СПб.: Императорская Академия Наук, 1792. Ч. 3. С. 1373.

¹⁵ Там же. 1789. Ч. 1. С. 214.

¹⁶ Там же. 1792. Ч. 3. С. 1150.

с грустью и скукой», любовь – «сердечная к кому-либо привязанность»¹⁷. Иллюстративный блок в этом словаре представлен слабо.

В. И. Даль в Толковом словаре живого великорусского языка впервые вводит в зону иллюстрации народный язык, пословицы, поговорки, которые полно представляют функционирование лексем. Активно применяется синонимический метод, здесь тоска представлена следующим образом: «стеснение духа, томление души, мучительная грусть; душевная тревога, беспокойство, боязнь, скука, горе, печаль, нойка сердца, скорбь. Тоска по родине обращается иногда в телесную болезнь, с изнурительной лихорадкой. <...> Пей – тоска пройдет! Хлеба ни куска, везде тоска»¹⁸. Можно отметить внимательность составителя как к денотативной, так и к концептуальной составляющей понятий.

В. И. Даль толкует лексему *любить* как «любилать кого, что, чувствовать любовь, сильную к кому привязанность, начиная от склонности до страсти; сильное желание, хотенье; избранье и предпочтенье кого или чего по воле, волею (не рассудком), иногда и вовсе безотчетно и безрассудно. Тошно тому, кто любит кого; а тошнее того, кто не любит никого. Люби, не влюбляйся, пей, не напивайся, играй, не отыгрывайся. Когда меня любишь, и мою собачку люби. Кого любишь, того сам даришь; а не любишь, и от него не примешь. Ешь с голоду, а люби смолоду»¹⁹.

В незаконченном Словаре русского языка, составленном Вторым отделением Императорской Академии Наук²⁰, не было замечено новаторства в отношении толкования ПЛ, наследуются классические методы.

Четкое разделение значений психической лексики впервые встречается в словаре Д. Н. Ушакова, что демонстрирует внедрение теории семантики в лексикографию. В слове *любовь*²¹ выделяется четыре значения: 1) «чувство, основанное на общности интересов», выделены также оттенки: «такое же чувство, основанное на взаимном расположении, симпатии, близости. Братская л. Л. к людям. // Такое же чувство, основанное на инстинкте. Материнская

любовь»; 2) «чувство, связанное с половым влечением»; 3) перен. «человек, внушающий это чувство (разг.). Она была моей первой любовью»; 4) «склонность, расположение или влечение к чему-н. Л. к искусству. Л. к работе». Но при этом у слова *любить* выделено шесть значений, одно из них указывает на употребление с союзами: «я люблю, когда дети играют тихо»²².

В Малом академическом словаре слово *любовь* представлено тремя семемами, с той лишь разницей (в сравнении со словарем Д. Н. Ушакова), что переносное значение «человек, вызывающий такое (любви) чувство» выделено как оттенок, а первое – «чувство глубокой привязанности к кому-, чему-. Материнская любовь. Любовь к другу» вытеснило «чувство, основанное на общности интересов», что, вероятно, связано со сменой политической идеологии²³.

В словаре С. И. Ожегова выделяется 6 значений²⁴, на первое место выдвигается «глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство. Чары, ожидание, муки любви. Признание в любви. Объясниться в любви. Брак по любви, без любви. Выйти замуж по любви (за любимого человека). Л. до гроба (вечная)», которое, судя по иллюстративной зоне, отождествляется с плотским влечением.

Словарь Т. Ф. Ефремовой отражает сходную со словарем Д. Н. Ушакова семантическую структуру слова *любовь*, но при этом вводится как оттенок значения «отношения двух лиц»²⁵.

Большой академический словарь последнего переиздания выделяет 3 значения слова *любовь*²⁶ и 4 значения слова *любить*²⁷: 1. «чувство привязанности, основанное на инстинкте», 2. «чувственное влечение», что отличается от БАС под редакцией В. И. Чернышева²⁸ перестройкой иллюстративной зоны и ценности значений. Так, «чувствовать глубокую привязанность, преданность к кому-, чему-либо, основанные на признании высокого значения, достоинства, на общих целях» было замещено «чувством инстинкта» (*любовь матери*).

¹⁷ Словарь церковно-славянского и русского языка, сост. 2-м отд. Имп. Академии Наук. СПб.: Тип. Имп. АН, 1847. Т. 4. С. 290; Т. 2. С. 274.

¹⁸ Тоска. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.-М.: Тип. М. О. Вольфа, 1882. Т. 4. С. 432.

¹⁹ Там же. Т. 2. С. 287.

²⁰ Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук, под ред. акад. Я. К. Грота. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1891–1895.

²¹ В дальнейшем для сравнения словарных описаний будем привлекать толкование данной лексики, т. к. она присутствует во всех изученных нами словарях.

²² Любовь. Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Рус. словари, 1994. Т. 2. С. 103–104.

²³ Любовь. Малый академический словарь, под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1986. Т. 2. С. 209.

²⁴ Любовь. Толковый онлайн-словарь русского языка Ожегова С. И. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/л/любовь> (дата обращения: 02.08.2022).

²⁵ Любовь. Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. Т. 1: А–О. М.: Рус. яз., 2000. URL: <https://www.efremova.info/word/ljubov.html#Y9yAE3ZByJA> (дата обращения: 02.08.2022).

²⁶ Любовь. Большой академический словарь русского языка, под ред. К. С. Горбачевича. СПб.: Наука, 2004. Т. 9. С. 355.

²⁷ Любить. Большой академический словарь русского языка ... Т. 9. С. 351.

²⁸ Словарь современного русского литературного языка, под ред. В. И. Чернышева. М.-Л.: АН СССР, 1948–1965.

Анализ структур словарных статей показывает, что наиболее удачным методом трактовки психических понятий был признан синонимический метод с привлечением иллюстративного материала. Это свидетельствует о направленности толкований к концепту, а не к денотативному компоненту (его наличие признавалось только у предметной лексики). Однако в середине XX в. ученые перестали удовлетворяться таким решением, лексикография эмоций совершила прорыв: получил разработку язык лексикографических описаний²⁹. Был создан синтаксис метаязыка, введены обозначения, описаны лексические функции.

Одним из ученых-новаторов в области семантического толкования психической лексики является А. Вежбицкая. За постоянство применяемого метода *толкование с помощью примитивов* ученой была названа Ю. Д. Апресяном «рыцарем идеи». Приведем несколько положений из работ А. Вежбицкой, раскрывающих сущность подхода. «Те элементы, которые могут использоваться для определения значения слов, сами не могут быть определены, ... их следует принять ... как семантически элементарные единицы, в терминах которых могут быть последовательно представлены все сложные (неэлементарные) значения» [Вежбицкая 1999: 12]. Кроме того, утверждается, что несмотря на вариативность восприятия значения разными индивидами, существует естественный «абсолютный порядок понимания», основанный на семантических связях слов [Вежбицкая 1999: 13]. Примитивы – наследуемое, врожденное, а не приобретенное свойство разума [Вежбицкая 1999: 24]. Предлагается «вырезать» метаязык примитивов из естественных языков (т. е. постулируется универсализм примитивов), использовать канонические предложения (т. е. такие, которые переводятся без потери на все языки), а в основу толкования психической лексики класть когнитивные сценарии – прототипические ситуации [Вежбицкая 1999: 38].

Приведем одно из нетрадиционных толкований ПЛ А. Вежбицкой: «Грусть – X почувствовал что-то // иногда человек думает: 'Я знаю: сейчас случилось что-то плохое // Я не хочу, чтобы подобное происходило // Я не могу сейчас думать: я сделаю что-нибудь из-за этого // Я знаю, что я ничего не могу сделать' // поскольку этот человек думает так, этот человек чувствует что-то в течение короткого времени // X почувствовал что-то вроде этого» [Wierzbicka 1999a: 43–44]. Печаль имеет с грустью сходную семантическую структуру, но вмещает компоненты длительности, печаль не соотносена с конкретным моментом и тесно связана с полем мышления [Wierzbicka 1999a].

В Толково-комбинаторном словаре русского языка И. А. Мельчука и А. К. Жолковского толкование соотносено с денотатом. Стоит отметить обоснованное употребление архисем: «Отчаяние X-а [от Y-а]: такое **состояние** X-а, при котором X отчаивается по поводу Y-а и которое, если оно усиливается, каузирует то, что либо X вообще теряет способность действовать, либо начинает действовать (слишком) интенсивно и часто безрассудно»³⁰. При этом дается полный портрет функционирования слова через характеристику парадигматики, синтагматики и фразеологической связанности.

В Активном словаре русского языка под редакцией Ю. Д. Апресяна толкование психической лексики отличается усовершенствованной системой помет, специальным языком; не используются логические и математические символы, что делает понимание приемлемым для любого читателя; также представлен полный портрет функционирования слова в контексте. «Блаженство, сущ.; сред.; -а; Мн. неупотр.; необход. Райское блаженство. Ощущение блаженства. Значение. Блаженство A1 от A2. Самое лучшее чувство или ощущение, какое бывает, когда имеет место такое хорошее A2, что человек не может хотеть ничего другого и не может думать и чувствовать ничего плохого»³¹.

Самым полным описанием семантики ПЛ обладают толкования, представленные в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка. В нем не только логично и доказательно объяснена взаимосвязь всех значений слова *любить*, но и впервые выделено значение состояния: «Из всех лексем этого глагола только любить 1.1 имеет длительное значение, поскольку, в отличие от других лексем, она обозначает не чистое отношение, а еще и определенное»³².

Нами зафиксировано, что в дефинициях московской школы архисемой толкования ПЛ в большинстве случаев выступает примитив *чувствовать*.

Наиболее логичным и перспективным нам кажется предложение В. Ю. Апресян и Ю. Д. Апресяна вводить в толкование телесную метафору: «Жалость X-а к Y-у (Его жалость к больным была поистине беспредельной) = "чувство, нарушающее душевное равновесие X-а и вызванное у X-а Y-ом; такое чувство бывает у человека, когда он думает, что некто находится в плохом положении и что это положение хуже, чем он заслуживает; душа человека чувствует нечто подобное тому, что ощущает тело человека, когда ему больно; тело человека реагирует на такое чувство как на боль; человеку, который испытывает такое чувство, хочется изменить положение другого существа так, чтобы оно стало менее плохим"» [Апресян, Апресян 1993: 35].

²⁹ Подробный анализ истории вопроса семантического языка рассмотрен в известной книге Ю. Д. Апресяна [Апресян 1995b].

³⁰ Отчаяние. Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь русского языка... С. 328.

³¹ Блаженство. Активный словарь русского языка... С. 270.

³² Любить. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка... С. 522.

В данном разделе нами проведен анализ структуры и принципов толковых дефиниций ПЛ в различных словарях, который показал постепенное смещение фокуса толкования к отражению денотативной ситуации. В следующей части обратимся к описанию принципов, которые, на наш взгляд, могут быть положены в основу словарной статьи ПЛ в современном толковом словаре.

Восприятие и семантическое пространство языка

Рассмотрим прототипическую ситуацию, а также две зоны дефиниции: чувственная (универсальная) и концептуальная (этнически-дифференциальная).

Человек является биологическим организмом, помещенным в противоборствующую среду, поэтому тело снабжено всем необходимым, чтобы выжить. Система восприятия играет роль сигнализатора и регулятора; язык, с этой точки зрения, не зеркало мира, а, скорее, его биологическая призма. А. В. Кравченко заметил: «В основе мысли, выраженной посредством языка, лежит опыт, данный в ощущениях, или восприятие» [Кравченко 2004: 22]. Автор утверждает, что язык обладает биологической реальностью, отражает мир именно так, как его воспринимает биологический организм человека [Кравченко 2013: 55].

Интересные факты влияния восприятия на психические системы языка приводятся в статье Л. В. Педченко, которая заключает: «Восприятие, являющееся тем фундаментом, на котором базируется познание и оценка человеком окружающего мира, связано со всеми системами человека, что на вербальном уровне отражается в многообразии моделей перцептивной метафоры» [Педченко 2017: 55].

Биологизм языка объясняет, почему первая речь ребенка эгоцентрична [Выготский 2011]; не в том смысле, что она намеренно эгоцентрична, а в том, что меркой языковой концептуализации является непосредственный организм ребенка.

Любая языковая единица содержит имплицитную сему органа, с которым она связана – глаза, уши, нос, рот, сердце, мозг и др. Древние очень хорошо понимали это, изобретая иероглифическое письмо. В иероглифах, обозначающих сложные понятия, встречаются соединения с элементарными, пишущимися наиболее просто обозначениями органов. Например, иероглиф *слышать* состоит из простых частей ‘рот’+ ‘ухо’ (*говорить* / *принимать*), то, что связано с употреблением пищи, содержит часть ‘рот’ (рис. 1). Большинство понятий психической и умственной сфер имеют часть ‘сердце’: *忍* (раскаяние), *思* (скупать), *怒* (гнев), *怨* (обида), *恋* (любовь, обожание). Внизу иероглифов можно заметить повторяющийся элемент *сердце* (орган) (рис. 2, рис. 3).

Не являются ли наименования органов теми универсальными элементарными «блоками», на основе которых выстраиваются более сложные понятия?

Одно из наших исследований показало, что до нашей эры при номинации эмоций часто использовалось слово *сердце*. Сердце обозначало внутреннюю часть тела, от санскритского *hrd – сердце, грудь, живот совместно [Гильфердинг 1853: 188]. О. Н. Кондратьева обратила внимание на то, что в древнерусской культуре роль понятия *душа* выполняло сердце [Кондратьева 2005: 90]. Языковой материал демонстрирует, что сердце вступает в номинацию следующих понятий: *любовь, память, внутренняя речь (размышления), мудрость, щедрость, жалость, тоска, разочарование, радость, страх, злость, зависть, страсть* [Заманова 2021]. Все они являются ядрами широких синонимических полей, формируя в целом поле внутреннего мира человека. Более того, они универсальны, т. е. имеют вербальное выражение и культурную значимость у всех народов, хотя полная аналогия, вероятно, невозможна. А. Вежицкая на этом основании принимает термины *радость-подобные эмоции*,

Рис. 1. Строение и историческая трансформация китайского иероглифа *слушать* / *слышать*

Fig. 1. Structure and historical transformation of the Chinese character *listen* / *hear*

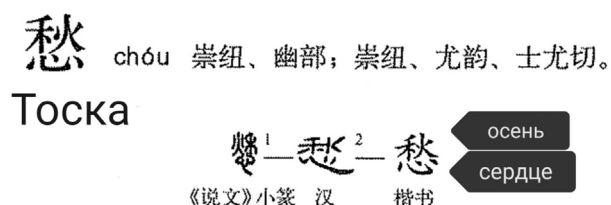

Рис. 2. Структура и историческая трансформация китайского иероглифа *тоска*

Fig. 2. Structure and historical transformation of the Chinese character *longing*

Рис. 3. Структура и историческая трансформация китайского иероглифа *терпение*

Fig. 3. Structure and historical transformation of the Chinese character *patience*

гнев-подобные и т. д.: «Переходя теперь к стыд-подобным эмоциям, мы прежде всего должны отметить: рассматриваемая область особенно вариативна, а идея о том, что во всех языках может быть слово, идентичное по значению английскому *shame* (или что во всех культурах было бы понятие, соответствующее английскому понятию *стыд*), глубоко ошибочна» [Wierzbicka 1999b: 46].

На универсальность семы *сердце* в структуре психологических понятий указывают И. А. Сапегина (на материале сопоставления русской и китайской картин мира) [Сапегина 2010], Р. Р. Данилова (на материале татарского языка) [Данилова 2009], В. А. Макарова (на материале латинского языка) [Макарова 2010]. О. Ю. Динисламова установила, что в мансийском и русском языках метафоры сердца актуализируют движение органа вверх / вниз, уменьшение / увеличение размера при положительных / отрицательных эмоциях [Динисламова 2017: 124]. Л. А. Ерофеева замечает: «Каузатором психологического состояния сердца является физиологическое состояние.

<...> Источником образования метафоры служит область физиологии. Психологическая боль репрезентируется сквозь призму физической. Кроме того, сердце может переживать настолько сильно, что на самом деле квази-испытывает боль» [Ерофеева 2014: 16].

Шкала конкретности-абстрактности Л. О. Чернейко показывает, что чем меньше органов чувств задействовано в восприятии той или иной вещи, тем более абстрактным является ее понятие [Чернейко 1997: 112]. Мы считаем, что промежуточным звеном между абстрактной (*добро*, *зло*, *справедливость*, *демократия*) и конкретной лексикой (*стол*, *стул*, *учебник*) является психическая (*радость*, *восторг*, *умиленность*, *ярость*), опирающаяся на телесные реакции, но уже стремящаяся к высокому уровню обобщения. Привлечем к доказательству результат серии экспериментов, проведенных Институтом психологии РАН, отраженный в Лингво-психологическом словаре³³. Он показывает, что половина прилагательных в русском языке связана с восприятием, и именно в этой группе находится большинство прилагательных психологической семантики: *взволнованный*, *вкрадчивый*, *возмущенный*, *восторженный*, *восхищенный*. Это свидетельствует о прочной связи психики и тела.

Важно не смешивать прямую и переносную номинацию психических явлений с помощью сердца. Так, нет метафоры в сочетаниях *сердце дрогнуло*, *оборвалось*, *замерло*, *подскочило* // *закололось*, *забилося*, *остановилось*, но в *сердце разбилось*, *запело*, *расцвело* – есть: *Что обогреют меня люди / В ответ даря души тепло... / Замерз дружок? день теплым будет, / Ты видишь – сердце расцвело...*³⁴

В. Ю. Апресян в статьях [Апресян 2011a; Апресян 2011b] приводит подборку фактов, иллюстрирующих то, насколько точно, по современным экспериментальным данным, язык отражает реакцию мозга и других органов посредством психофизиологических метафор. МРТ-исследование показало, что в мозге испытуемых при демонстрации изображений объекта любви активировались не сексуальные зоны, а зоны наркотической зависимости, об этом же говорит семантика языковых метафор (*очарован*, *околдован кем / чем*, англ. *love addiction* и др.). «Можно рискнуть и выдвинуть мысль о том, что эмоциональная метафора представляет собой очень интересный "полигон" или отправную точку для изучения нейробиологии эмоций ... возможно, что ... языковая метафора может в каком-то смысле задавать направление нейропсихологического исследования. Не исключено, что такое исследование покажет, что выражения типа *душевная боль* или *горечь разочарования* на самом деле не метафоричны, а отражают процессы, реально происходящие в мозгу» [Апресян 2011a: 31–32].

³³ Колбенева М. Г., Александров Ю. И. Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка. Лингво-психологический словарь. М.: ЯСК, 2010. 368 с.

³⁴ Кравецкий М. Ты видишь – сердце расцвело. *Стихи.ру*. 2022. URL: <https://stihi.ru/2022/05/07/3214> (дата обращения: 02.08.2022).

Данное обширное исследование (представленное двумя публикациями) В. Ю. Апресян в целом демонстрирует высокую степень универсальности семантического содержания эмоциональной лексики в разных языках, подтверждая важную роль биологического фактора в ее номинации.

Наблюдения над языковым материалом позволяют считать, что сема *сердце* имплицитно присутствует во всей ПЛ. Ранее было предложено в качестве внелингвистического фрагмента действительности, поддающегося кодировке языковым знаком, считать соединение следующих составляющих: мыслительная операция или оценка (плохо – угрожает жизни, с различным уровнем интенсивности угрозы; хорошо – способствует жизни, с различным уровнем удовольствия), определяем точку по шкале от –5 до 5; реакция сердца (различный уровень интенсивности сердцебиения), от –5 до 5, где 0 – отсутствие сердцебиения (равнодушие); желание – интенсивность желания с указанием типа желания, от –5 до 5, возможно сопровождение мимической реакцией и моторикой. Приведем примеры: страх: –1+1+1, тип желания – устранить причину страха, убежав, спрятавшись, или победить силой; ужас: –5+5+5 – желание спрятаться, т. к. происходит осознание, что устранить невозможно по причине очевидного превосходства раздражителя; любовь: +4+1+4 – желание быть рядом с объектом любви; симпатия: +2+2+2 – желание быть рядом с объектом симпатии; страсть: +5+4+5 – желание быть рядом с объектом страсти [Заманова 2021].

В настоящей работе предлагается применить разработанную схему в теории лексикографии, т. е. давать толкования психологической лексики с опорой на реальный телесный компонент, цифровые значения можно заменить выражениями естественного языка: сильно / слабо, довольно сильно / слабо, очень сильно / слабо.

Таким образом, современные исследования подтверждают мнение Аристотеля о том, что состояния души имеют свою основу в материи. Поэтому их определения должны быть именно такого рода, например: «Гнев – это некоторое движение такого-то тела (или его части, или его способности), вызванное тем-то ради того-то. Вот почему изучение всей души или такого рода состояний ее есть дело рассуждающего о природе. Однако рассуждающий о природе и диалектик по-разному определили бы каждое из этих состояний души, например, что такое гнев. А именно: диалектик определил гнев как стремление отомстить за оскорбление или что-нибудь в этом роде; рассуждающий же о природе – как кипение крови или жара около сердца» [Аристотель 1937: 6]. Денотативное (под денотатом понимаем «множество объектов, фак-

тов реального мира, удовлетворяющих тем свойствам, которые составляют сигнификат» [Кобозева 2000: 82]) пространство ПЛ основано на физиологических реакциях мозга и сердца.

Если вслед за А. Вежицкой под словом *воспринимать* понимать такую структуру: видеть – воспринимать глазами, слышать – воспринимать ушами, обонять – воспринимать носом [Вежицка 1986: 338], то под словом *чувствовать* следует понимать «воспринимать мозгом и сердцем». Данные языка согласуются с нейроисследованиями: теория Джеймса-Ланге утверждает, что сердечно-сосудистая система является защитным механизмом организма, она посылает мозгу сигналы, которые анализируются, после чего мозг отдает ответные команды телу.

Вопрос об архисемах психической лексики

Мы предлагаем вводить в словарные дефиниции ПЛ следующие архисемы (гиперсемы, интегральные семы): чувства, эмоции, состояния. Архисемы не должны выступать как синонимы. Анализ БАС³⁵, посвященный специально изучению функционирования архисем, показал, что они варьируются совершенно произвольно, что недопустимо, ведь свойства лексических множеств, которые интегрируются ими, существенно разнятся. Это подтверждается данными фундаментальных классификаций предикатов, несовпадением синтагматического, парадигматического и словообразовательного потенциала и другими факторами. Предлагаем различать семантику архисем в следующем порядке³⁶:

- эмоции – кратковременные, стихийные и неконтролируемые состояния, когда в силу кратковременности объект-раздражитель находится в поле зрения человека и вбирает семантику причины (*вспылить, восторжествовать, умилиться, взбеситься, взвинтиться, сконфузиться*);
- состояния – плохо осознаваемые, плохо контролируемые и безобъектные длительные психические процессы (*тосковать, скучать, блаженствовать, ностальгировать, мучиться*);
- чувства – с хорошо осознаваемой причинностью длительные или довольно длительные, направленные на объект психические действия (*любить, ненавидеть, гордиться, симпатизировать, брезговать, завидовать*).

Семантические тесты, предложенные в работах Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелева, А. А. Зализняка, О. Н. Ляшевской и Е. В. Падучевой, направлены на тестирование присутствия / отсутствия элементов длительности / кратковременности, контролируемости / неконтролируемости, четкой / нечеткой причинности [Булыгина 1982;

³⁵ Большой академический словарь русского языка ...

³⁶ Обоснования см. в [Заманова 2022].

Зализняк 1992; Ляшевская, Падучева 2011]. Тесты играют большую роль при разграничении указанных выше групп. Согласно нашим наблюдениям, эффективным является тест на совместимость с инфинитивным актантом или отглагольным объектом (прямым или непрямым): состояния его не допускают, а чувства – допускают часто: *он любил гулять в парке, он брезговал есть из грязной тарелки, он гордился успехами / повышением*. Состояния вообще не допускают объект любой формы (только объект, смешанный с причиной: *он тосковал по другу*): *он тосковал не видеть друга, он блаженствовал бабушкиным пирогом*.

Поскольку слова сочетаются, имея общие компоненты семантики, логично предположить: анализ на сочетаемость дает наиболее четкую информацию о глубинной семантике. С одной стороны, сочетания, где зависимым компонентом выступает ПЛ, показывают, что состояния и эмоции (мгновенные состояния) сочетаются с каузативными предикатами: *ввергнуть, повергнуть, вогнать, погрузить / в тоску, скуку, отчаяние, стресс, депрессию, навевать*. От них возможны возвратные конверсивные отношения: *погрузиться, предаться*. Здесь бывает как отрицательная, так и положительная семантика: *погрузиться в безмятежность, блаженство, умиротворение*. Метафорическое использование глагола движения более свойственно состояниям и эмоциям, чем чувствам (свидетельство тяготения к переходу в разряд состояний): *прийти в отчаяние, негодование, восторг, радость, восхищение*. Состояниям также свойственна бытийная конструкция (часто наличествует слово *состояние*): *он был в тоске (в состоянии тоски), в покое, в шоке, в панике*. Сама по себе зависимая позиция в синтаксической конструкции кодирует длительность и неконтролируемость состояний.

При этом активные и более контролируемые чувства редко выступают зависимыми компонентами, обычно они входят в предикативное ядро: *Ах, он любил, как в наши лета / Уже не любят; как одна / Безумная душа поэта / Еще любить осуждена* (Пушкин А. С. Евгений Онегин) (НКРЯ). Редкие зависимые неразложимые конструкции семантически все равно свидетельствуют о приоритете активного действия, активной позиции экспериенцера, например: *поддаться, обнаружить, преодолеть, превозмочь*. Название стихотворения Григория Прутова «Поддайся любви...»³⁷ свидетельствует о том, что человек в какой-то мере может противостоять чувствам. Приведем еще один пример: *Некоторые люди замечают у себя наличие какого-то подсознательного страха поддаться любви и позволить себе полностью погрузиться в это чувство. И это ощущение страха часто отравляет вкус отношений и тем самым не дает им развиться*³⁸.

Чувства гораздо более связаны с внешними действиями и манифестацией, чем состояния: *Любить умеет не только тот, кто любит кричать о своей любви; у умного человека чувство выражается и словом и делом, у иного только делом, и, может быть, тем сильнее, чем молчаливее* (Любовь не имеет границ. 2013) (Карта слов).

Само по себе изучение сочетаемости с предложениями может предоставить семантический тест на разграничение чувств и состояний. Поскольку только чувства имеют прямой объект, т. е. переходны, логично предположить, что именно чувствам в транспозиции будет свойственен предлог *к* + объект: *любовь к Родине, жалость к собаке, ненависть к расизму*. Чувствам характерно сочетание из (если нужно указать причину поведения): *из зависти, из презрения, из любви к...*, поскольку они выражают более осознанные действия (сценарий данной ситуации будет комплексным). При этом неконтролируемые состояния сами выражают причину предложением *от* (сценарий менее сложный): *от счастья, от тоски, от муки, от озлобления*.

Только состояниям свойственен предлог *в*: *в безумии, в оцепенении, в умилении*. Если встречается предлог *в* + чувство, – это показатель расширения семантики данного чувства в поле состояния: *она всего лишь женщина в любви*.

Другие предлоги заслуживают отдельного рассмотрения, семантическая структура таких конструкций очень сложна. В. Ю. Апресян сделала вывод, что эмоции разных кластеров имеют отличающиеся модели управления и «различие психологической и физиологической природы эмоций настолько велико, что это осознается и отображается языком, в том числе и на уровне синтаксиса» [Апресян 2015: 32].

Эмоции отличаются от состояний на основании сочетания *с вдруг, внезапно, в тот же миг, в ту же секунду кто-то пришел в...* Две данные категории разграничиваются наиболее ясно по словообразовательному критерию: эмоции обозначают начинательность действия с помощью префикса *вс-* / *вз-* / *воз-* и постфикса *-ся*: *вскипятиться, взъяриться, взволноваться, взвинтиться, вспылить*, а также *раз-* / *рас-* в значении «каузировать начало»: *рассердить, разгневать, расстроить*. Состояния не присоединяют префиксы с простым начинательным значением: *затосковать, загрустить, загордиться* (начать + Magn очень + долго).

А. В. Колмогорова, изучая возможность идентификации эмотивности текста компьютером, заметила, что гнев распознается легче, чем грусть, потому что гнев имеет выраженные средства языковой манифестации, а грусть передается сложно и имплицитно [Колмогорова 2021: 86]. На наш взгляд, это свидетельствует об отличии эмоций и состояний в языковой системе: у них разная степень манифестации.

³⁷ Прутов Г. Поддайся любви... Стихи.ру. 2013. URL: <https://stihi.ru/2013/05/14/8710> (дата обращения: 02.08.2022).

³⁸ Шурин О. Ю. Почему бывает страшно поддаться любви? В17.ру. 24.12.2021. URL: <https://www.b17.ru/blog/311720/> (дата обращения: 02.08.2022).

Н. Н. Frijda также отличает чувства от эмоций (и настроений): эмоции «описывают реальные, происходящие явления, в то время как чувства выражают познания индивида о том, что такие возникающие явления могут быть вызваны, или же это конструкция, разработанная для объяснения того факта, что такие возникающие явления на самом деле вызываются конкретными объектами или событиями, которые в данный момент, по-видимому, не оправдывают появление этих реакций» [цит. по: Miura 2015: 240]. На разницу эмоций и чувств указывала А. Вежбицкая, привязывая эмоции к конкретному моменту, а чувства – к моменту «иногда» [Wierzbicka 1992: 553].

В предисловии к толковому словарю должна вводиться информация, которая поясняет употребление той или иной архисемы (категоризирующего слова) в толковании.

Типы значений лексем с психической семантикой

Количество семем в лексемах зависит от разницы денотативной основы. Выше давалась схема денотативной структуры, изменение любого ее компонента свидетельствует о смене денотативного статуса, следовательно, о необходимости выделения нового значения [Стернин, Саломатина 2011: 8]. Если денотаты двух лексем далеко отстоят друг от друга, можно говорить об омонимии.

На основании анализа около 2000 лексем ПЛ, отобранных из БАС, нами была составлена классификация типов лексических значений психической лексики.

Значения лексики психологической семантики могут быть следующими:

1. Прямыми – на основании первичной и непосредственной связи с денотатом. Если слово – дериват, то первичным будет значение, непосредственно связанное с производящей основой: *смелость* – *смелый*, *безмятежность* – *безмятежный*, первичными значениями будут *свойства*.

2. Вторичными на основе метонимии: значение *состояния* может образовываться от *чувств* и от *свойств*. Так, чувства *любовь*, *ненависть*, *благодарность*, *гордость* и др. могут развивать значения состояний; свойства *смелость*, *непокорность*, *бесприютность*, *одиночество* также могут развивать значения состояний.

3. Вторичными переносными на основании как метафоры, так и психофизиологической метонимии: 1) могут образовываться на основе синестезии и брать основу в физическом мире: *окаменеть*, *закоснеть*, *растаять*; 2) могут основываться на физиологических реакциях: *усталость* – физиологическая и духовная, *отъянение* – физиологическое и духовное, *анабиоз* – физиологический и духовный. Физическое или физиологическое значение, как правило, является первичным, однако с течением времени могут происходить изменения, так, *закоснеть* потеряло связь с *закостенеть* и стало обозначать моральное и духовное состояние.

Следует отметить, что метонимические значения состояний на базе свойств и чувств плохо идентифицируются. Это объяснимо когнитивными причинами деривации метонимических смыслов. Так, согласно эксперименту группы ученых института русского языка им. В. В. Виноградова, «метонимические значения воспринимаются как близкие к прямым во всех трех классах слов (примеч. – существительные, глаголы и прилагательные) <...> прямые и метонимические значения существительных и глаголов хранятся в одной ментальной репрезентации, а метафорические – в отдельных репрезентациях» [Апресян и др. 2019: 15].

Поскольку денотативная часть лексики психологической семантики опирается на систему физиологических реакций организма, разумно предполагать, что этот компонент будет аналогичным во всех языках (ведь человеческий организм устроен одинаково), но понятно и то, что концептуальная информация не исчерпывается чувственным опытом, поскольку слово состоит также из прагматического и коннотативного компонентов. Слова в разных языках (равно как и лексика разных эпох) имеет различную внутреннюю форму, т. е. различную соотношенность с другими элементами языковой системы и с явлениями действительности, что составляет, по В. фон Гумбольдту, разницу мировосприятия: «Не может не иметь значения различие между ситуациями, когда восприятие и образ мыслей закрепляются на протяжении непрерывной цепи поколений за одними и теми же звуками, пронизывая их своим содержанием и теплом» [Гумбольдт 2000: 135]. Внутренняя форма оказывает суггестивное влияние на языковое сознание носителя, сравним различную степень суггестивности украинского *чорнобривец* и русского *бархатец* (пример взят из работы [Голев 1998]). Поэтому в информацию для словаря необходимо включать сведения о внутренней форме, фразеологические единицы, высказывания из прецедентных текстов, а также особенности манифестации психических реакций. Полезными будут данные ментальных словарей.

Образец чувственной зоны

толкования психической лексики

Любовь, и, твор. любовью, не имеет мн. ч., ж. р.

1. Очень положительное **чувство** с повышенным ритмом сердцебиения с сильным желанием быть рядом с другим человеком для рождения детей. Она любила своих друзей, своих наставниц, страстно любила своего отца, и, конечно, если бы судьба послала ей хорошего мужа, она сделала бы доброй женой и нежной матерью, и вся бы жизнь ее протекла в выполнении этого чувства любви (Писемский А. Ф. Боярщина. 1846) (Карта слов). Луиза, со внезапным отъездом Траутфеттера, успокоила себя мыслью, что между ними начинается истинная любовь, на препятствиях основанная (Лажечников И. И. Последний Новик. Т. 1. 1833) (Карта слов). 2. Очень положительное

чувство с обычным сердцебиением с сильным желанием быть рядом с генетически близким человеком и помогать ему жить. Все интересы, все другие привязанности побледили перед материнской любовью, и Софья Николаевна предалась новому своему чувству с безумием страсти (Аксаков С. Т. Семейная хроника. 1856) (Карта слов). 3. Очень положительное чувство с усиленным ритмом сердцебиения с осознаваемым желанием быть рядом с другим человеком и делать для этого человека что-то хорошее. Он говорил о поэзии жизни, о любви к ближним, об удовольствии сознания принесения пользы, о сладости даже погибели для пользы человечества, о мерзости проявления в человеческих поступках признаков корысти, о суете богатства, о славе, об идеалах (Гейнце Н. Э. В тине адвокатуры. 1884) (Карта слов). 4. Переносное (метафорическое). Очень положительное чувство с умеренным ритмом сердцебиения с осознаваемым желанием быть в конкретном месте (обычно в месте, где родился) и делать в этом месте что-то хорошее. Любовь к Родине, Отечеству, Отчизне // к (название страны, города и др. географического места). А душа по природе своей, наверное, не только христианка, но и патриотка <...> так что с годами <...> любовь к огромной советской стране не то чтобы вытеснилась или сузилась, но уступила место иному чувству, сосредоточилась и воплотилась в крохотном, неразличимом на карте клочке земли, на котором только и могла вырасти сердечная любовь к России (Варламов А. Купавна. Новый Мир. 2000) (НКРЯ). Прекрасная вещь – любовь к отечеству, но есть нечто ещё более прекрасное – это любовь к истине (Каганов В. Можно ли жить своим умом? Об отринутых и проклятых... Наука и жизнь. 2008) (НКРЯ). 5. Хорошее или плохое состояние (в зависимости от реальности осуществления желания) с замедленным сердцебиением, если человек не рядом, и с ускоренным, если человек в поле зрения; с сильным желанием быть рядом с конкретным человеком (с различными целями). Когда человек в состоянии любви, у него есть все, все блага (Шеховцева Е. А. Для чего нам вспоминать прошлые жизни? 2022) (Карта слов). Она была права: любовь делала ее почти умной, и она многое понимала так, как в нормальном состоянии никогда не понимала (Мамин-Сибиряк Д. Н. Черты из жизни Пепко. 1894) (Карта слов). Любовь возвышает человека над обыденностью, преображает его: глаза сияют счастьем, лицо без всякой видимой причины озаряет улыбка, и весь облик излучает какую-то неизъяснимую лёгкость, спокойствие и умиротворенность (Зорина И. В. Сухих соцветий горький аромат) (Карта слов).

Омоним (на современном уровне мышления):

Любовь, и, твор. любовью, не имеет мн. ч., ж. р. Чувство (человек всегда думает, что это хорошее чувство, но другие люди могут думать – это плохое чувство) с сердцебиением

выше обычного с желанием быть рядом с конкретной вещью. Любовь к искусству, любовь к прогулкам в горах. Любовь к картам, к спиртному. С собой она привезла любовь к австрийским круассанам, и велела дворцовым кулинарам научиться их готовить³⁹.

Если объектом данного чувства выступает абстрактное понятие или процесс, то данное сочетание номинирует свойство характера человека. Любовь к истине (обладающий этим человек правдив). Любовь к пустословию (обладающий этим человек – пустослов). Любовь к мудрости (обладающий этим человек мудр). Любовь к праздности (обладающий этим человек ленив). Любовь к истине уже составляет добрую половину – лучшую половину – всякого нравственного учения (Кропоткин П. Анархия и нравственность) (Карта слов). Нас тесно связывали три вещи: лес, охота и любовь к литературе (Куприн А. И. Черная молния. 1913) (Карта слов).

Заключение

Исследование показало, что составители словарей для толкования ПЛ преимущественно избирают синонимический метод и обильное иллюстрирование примерами, что не решает проблему определения содержательной стороны ПЛ (особенно в нуждах перевода и РКИ), поэтому поиск альтернативных вариантов остается главной задачей лексикографии.

До начала разработки семантического метаязыка толкований нетрадиционного типа архисемы толкования варьировались без достаточного основания: чувства, состояния, переживания, эмоции, душевные волнения, духовные состояния и пр. не разграничивались. Формализованные дефиниции отчасти решают проблему, однако сама концепция подобного подхода (особенно при толковании ПЛ) не пришла к установленному стандарту, что оставляет место для внесения дополнительных предложений, в связи с чем в статье были предложены некоторые новые принципы толкования ПЛ:

1. Толкование должно разграничивать архисемы эмоции, состояния, чувства. Лексика в каждой из подгрупп имеет следующие характеристики: эмоции – кратковременные, стихийные и неконтролируемые состояния, когда в силу кратковременности объект-раздражитель находится в поле зрения человека и вбирает семантику причины; состояния – плохо осознаваемые, плохо контролируемые и безобъектные длительные психические процессы; чувства – с хорошо осознаваемой причинностью длительные или довольно длительные, направленные на объект психические действия.

2. Различная интенсивность реакции сердца как органа обладает смыслопорождающей функцией при номинации психических явлений, телесные реакции должны найти свое отражение в дефинициях в целях уменьшения фактора субъективности.

³⁹ Кристинская И. Круассаны: история появления. MyJane.ru. 05.02.2016. URL: <https://www.myjane.ru/articles/text/?id=16993> (дата обращения: 02.08.2022).

3. Колебание в разграничении чувств / свойств / состояний может быть объяснено явлением полисемии: на основе чувств и свойств могут развиваться значения состояний.

4. Словарная статья должна включать информацию о концептуализации ПЛ в языке: сведения о сочетаемости, фразеологические значения, прецедентные высказывания, указание на осознаваемость / неосознаваемость внутренней формы.

ПЛ особенно подвержена семантической перестройке в ходе исторического развития общества, поэтому по прошествии 50–60 лет необходимо обновление структуры словаря.

Перспективой исследования является разработка части статьи, раскрывающей этноспецифичность слова, а также создание проекта Толкового словаря психической лексики русского языка.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Апресян В. Ю. Валентность стимула у русских глаголов со значением эмоций: связь семантики и синтаксиса. *Русский язык в научном освещении*. 2015. № 1. С. 28–67. [Apresyan V. Yu. The valency of stimulus in Russian psych-verbs: semantics-syntax interface. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2015, (1): 28–67. (In Russ.)] EDN: UMLZFY
- Апресян В. Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты. *Вопросы языкознания*. 2011a. № 1. С. 19–51. [Apresyan V. Yu. Cluster analysis of emotive concepts in Russian and English. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2011a, (1): 19–51. (In Russ.)] EDN: NDYZEZ
- Апресян В. Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты (II). *Вопросы языкознания*. 2011b. № 2. С. 63–88. [Apresyan V. Yu. Cluster analysis of emotive concepts in Russian and English (II). *Voprosy yazykoznaniiya*, 2011b, (2): 63–88. (In Russ.)] EDN: NQZFSH
- Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций. *Вопросы языкознания*. 1993. № 3. С. 27–35. [Apresyan V. Yu., Apresyan Yu. D. Metaphor in the semantic representation of emotions. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1993, (3): 27–35. (In Russ.)] EDN: PVNQQN
- Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Драгой О. В., Иомдин Б. А., Лауринавичюте А. К., Левонтина И. Б., Лопухин К. А., Лопухина А. А., Урысон Е. В. О методе комплексного семантического, статистического и психолингвистического анализа многозначности. *Русская речь*. 2019. № 1. С. 8–17. [Apresyan V. Yu., Apresyan Yu. D., Dragoy O. V., Iomdin B. L., Laurinavichyute A. K., Levontina I. B., Lopukhin K. A., Lopukhina A. A., Uryson E. V. A multifaceted approach to semantic, statistical, and psycholinguistic analysis of lexical polysemy. *Russkaya Rech*, 2019, (1): 8–17. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S013161170003937-9>
- Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания. *Вопросы языкознания*. 1995a. № 1. С. 37–67. [Apresyan Yu. D. Man via language: an attempt of systematic description. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1995a, (1): 37–67. (In Russ.)] EDN: PVLFBF
- Апресян Ю. Д. Семантический язык как средство толкования лексических значений. In: Апресян Ю. Д. *Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка)*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Яз. слав. культуры; Вост. лит-ра, 1995b. С. 56–163. [Apresyan Yu. D. Semantic language as a means of interpreting lexical meanings. In: Apresyan Yu. D. *Selected Works. Vol. 1. Lexical semantics: synonymic potential of the language*. 2nd ed. Moscow: Iaz. slav. kultury; Vost. lit-ra, 1995b, 56–163. (In Russ.)]
- Аристотель. О душе. М.: ГСЭИ, 1937. 180 с. [Aristotle. *On the soul*. Moscow: GSEI, 1937, 180. (In Russ.)]
- Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Уральский университет, 1989. 184 с. [Babenko L. G. *Lexical means of indicating emotions in the Russian language*. Sverdlovsk: Ural University, 1989, 184. (In Russ.)]
- Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке. *Семантические типы предикатов*, ред. О. Н. Селиверстова. М.: Наука, 1982. С. 7–85. [Bulygina T. V. Constructing a typology of predicates in the Russian language. *Semantic types of predicates*, ed. Seliverstova O. N. Moscow: Nauka, 1982, 7–85. (In Russ.)]
- Вежицка А. Восприятие: семантика абстрактного словаря. *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка*, сост., общ. ред. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1986. С. 336–369. [Wierzbicka A. Perception: semantics of an abstract dictionary. *New in foreign linguistic. Iss. 18. Logical analysis of natural language*, comp., ed. Petrova V. V. Moscow: Progress, 1986, 336–369. (In Russ.)]

- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 780 с. [Wierzbicka A. *Semantic universals and language description*. Moscow.: Iaz. rus. kultury, 1999, 780. (In Russ.)]
- Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: АСТ, 2011. 637 с. [Vygotsky L. S. *Thinking and speech*. Moscow: AST, 2011, 637. (In Russ.)] EDN: QYCTRL
- Гильфердинг А. Ф. О сродстве языка славянского с санскритским. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1853. 294 с. [Gilferding A. F. *On the affinity of the Slavic language with Sanskrit*. St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk, 1853, 294. (In Russ.)]
- Голев Н. Д. Лексикографирование как метод описания лексики. К теоретическому наследию О. И. Блиновой. *Вопросы лексикографии*. 2021. № 21. С. 5–32. [Golev N. D. Lexicographizing as a method of describing vocabulary: revisiting the theoretical legacy of Olga Blinova. *Voprosy Leksikografii*, 2021, (21): 5–32. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/22274200/21/1>
- Голев Н. Д. Суггестивное функционирование внутренней формы слова в аспекте ее взаимоотношений с языковым сознанием. *Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах*, ред. Н. А. Лукьянова. Новосибирск: Ново, 1998. Т. 2. С. 9–20. [Golev N. D. Suggestive functioning of the inner form of the word in the aspect of its relationship with linguistic consciousness. *Language units in semantic and lexicographic aspects*, ed. Lukyanova N. A. Novosibirsk: Novo, 1998, vol. 2, 9–20. (In Russ.)] EDN: RMIGIX
- Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 400 с. [Humboldt V. von. *Selected works on linguistics*. Moscow: Progress, 2000, 400. (In Russ.)]
- Данилова Р. Р. Функционирование концепта «сердце» в эмоционально-чувственной и духовной сферах человека в татарской и русской языковых картинах мира. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2009. № 11-1. С. 228–234. [Danilova R. R. "Heart" concept in man's emotional and inner spheres in the Tatar and Russian linguistic world pictures. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2009, (11-1): 228–234. (In Russ.)] EDN: KZLMWT
- Динисламова О. Ю. Функционирование лингвокультурного концепта *сым* 'сердце' в мансийской языковой картине мира. *Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера*: науч.-практ. конф. (Ханты-Мансийск, 25 ноября 2016 г.) Ханты-Мансийск: Формат, 2017. Ч. 1. С. 106–125. [Dinislamova O. Yu. Functioning of the linguistic and cultural concept of the 'heart' in the Mansi linguistic worldview. *Problems and prospects of socio-economic and ethno-cultural development of indigenous small-numbered peoples of the North*: Proc. Sci.-Prac. Conf., Khanty-Mansiysk, 25 Nov 2016. Khanty-Mansiysk: Format, 2017, pt. 1, 106–125. (In Russ.)] EDN: NRRPBL
- Дубичинский В. В. Лексикография русского языка. М.: Флинта; Наука, 2009. 432 с. [Dubichynskiy V. V. *Lexicography of the Russian language*. Moscow: Flinta; Nauka, 2009, 432. (In Russ.)] EDN: QUCFZB
- Ерофеева Л. А. Сердце и душа как ментально-психологические сущности в поэтической картине мира Р. М. Рильке. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2014. № 2-2. С. 15–17. [Erofeeva L. A. Heart and soul as mental and psychological entities in the poetic worldview by R. M. Rilke. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2014, (2-2): 15–17. (In Russ.)] EDN: RZALSN
- Зализняк А. А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 1992. 201 с. [Zalizniak A. A. *The semantics of predicates of the inner state*. Munich: Verlag Otto Sagner, 1992, 201. (In Russ.)]
- Заманова И. В. Критерии выделения лексико-тематической группы «психологическое состояние» на материале толковых словарей русского языка. *Ученые записки Новгородского государственного университета*. 2022. № 2. С. 196–201. [Zamanova I. V. Criteria for selecting the lexical-thematic group "psychological state" on the material of explanatory dictionaries of the Russian language. *Memoirs of NovSU*, 2022, (2): 196–201. (In Russ.)] [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.2\(40\).196-201](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.2(40).196-201)
- Заманова І. В. Роль семантими «серце» в структурі поля «духовний стан» (на матеріалі російської мови). *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Філологія»*. 2021. № 89. С. 78–86. [Zamanova I. V. The role of the semantheme "heart" in the structure of the field "spiritual state" (based on the material of the Russian language). *The Journal of V. N. Karazin Kharkiv National University. Series "Philology"*, 2021, (89): 78–86. (In Ukr.)] <https://doi.org/10.26565/2227-1864-2021-89-13>
- Ионова С. В., Штеба А. А. Смешанные эмоции: к вопросу о лингвистической репрезентации и метаязыке описания. *Вопросы психолингвистики*. 2019. № 2. С. 63–81. [Ionova S. V., Shteba A. A. Contradictory emotions: the question of the linguistic representation and the metalanguage description. *Journal of Psycholinguistics*, 2019, (2): 63–81. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-40-2-63-81>

- Калинина Л. В., Фалеева А. С. Переходное состояние как объект описания в толково-идеографическом словаре. *Вопросы лексикографии*. 2021. № 22. С. 27–47. [Kalinina L. V., Faleeva A. S. The transitional state as an object of description in an explanatory-ideographic dictionary. *Voprosy Leksikografii*, 2021, (22): 27–47. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/22274200/22/2>
- Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981. 366 с. [Karaulov Yu. N. *Linguistic constructing and thesaurus of literary language*. Moscow: Nauka, 1981, 366. (In Russ.)]
- Киселева Л. А. Основные направления исследования проблемы «язык и эмоции» в отечественной и зарубежной лингвистике начала XXI века. *Гуманитарные исследования*. 2022. № 2. С. 43–49. [Kiseleva L. A. The main directions of the problem research "language and emotions" in Russian and foreign linguistics of the beginning of the XXI century. *Gumanitarnyye issledovaniya*, 2022, (2): 43–49. (In Russ.)] EDN: HMXWSA
- Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с. [Kobozeva I. M. *Linguistic semantics*. Moscow: Editorial URSS, 2000, 352. (In Russ.)]
- Колмогорова А. В. Детектирование эмоций и семантика эмотивов: грусть и гнев в аннотированной выборке текстов. *Филологический класс*. 2021. Т. 26. № 2. С. 78–89. [Kolmogorova A. V. Emotion detection and semantics of emotives: distress and anger in annotated text dataset. *Philological Class*, 2021, 26(2): 78–89. (In Russ.)] <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-02-06>
- Кондратьева О. Н. Душа, сердце, ум. *Антология концептов*, под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. С. 80–92. [Kondratyeva O. N. Soul, heart, mind. *Anthology of concepts*, eds. Karasik V. I., Sternin I. A. Volgograd: Paradigma, 2005, vol. 1, 80–92. (In Russ.)] EDN: XFBFYL
- Кравченко А. В. Биологическая реальность языка. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2013. № 1. С. 55–63. [Kravchenko A. V. The biological reality of language. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 2013, (1): 55–63. (In Russ.)] EDN: PYUM EJ
- Кравченко А. В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. 2-е изд., испр. Иркутск: ИГУ, 2004. 206 с. [Kravchenko A. V. *Language and perception: cognitive aspects of linguistic categorization*. Irkutsk: ISU, 2004, 206. (In Russ.)] EDN: SBTABZ
- Лазариди М. И. Психические состояния в полевом описании: номинативно-функциональный аспект. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2010. 350 с. [Lazaridi M. I. *Mental states in the field description: nominative-functional aspect*. Moscow: MPSI; Voronezh: MODEK, 2010, 350. (In Russ.)] EDN: QYCAME
- Ляшевская О. Н., Падучева Е. В. Онтологические категории имен эмоций. *Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы*. 2011. № 5. С. 23–31. [Lyashevskaya O. N., Paducheva E. V. Ontological categories of names of emotions. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 2: Informatsionnye protsessy i sistemy*, 2011, (5): 23–31. (In Russ.)] EDN: MKSJYQ
- Макарова В. Л. Et abigo ea manu cordis: о некоторых метафорических употреблениях лексемы *cor* в «Исповеди» Аврелия Августина. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2010. № 14-2. С. 176–190. [Makarova V. L. Et abigo ea manu cordis: on some metaphorical meanings of the word *cor* in The Confessions of St. Augustine. *Indoeuropeyskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*, 2010, (14-2): 176–190. (In Russ.)] EDN: MSPGUD
- Морковкин В. В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). М.: МГУ, 1977. 168 с. [Morkovkin V. V. *Experience of ideographic description of vocabulary: an analysis of words with the meaning of time in the Russian language*. Moscow: MSU, 1977, 168. (In Russ.)] EDN: VJGWIT
- Педченко Л. В. Перцептивная метафора как средство создания «образа человека» в русской диалектной речи. *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Філологія»*. 2017. № 77. С. 50–55. [Pedchenko L. V. Perceptual metaphor as a mean of creating an image of a person in Russian dialect language. *The Journal of V. N. Karazin Kharkiv National University. Series "Philology"*, 2017, (77): 50–55. (In Russ.)]
- Сажина Е. В., Семак Д. С. «Эмоциональность» и «эмотивность» в лингвистике: к разграничению понятий. *Эпоха науки*. 2019. № 20. С. 571–574. [Sazhina E. V., Semak D. S. "Emotionality" and "emotivity" in linguistics: to distinguish the notions. *Epokha nauki*, 2019, (20): 571–574. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2409-3203-2019-12119>
- Сапегина И. А. Базовая лексическая репрезентация концепта «сердце» в русском и китайском языках. *Русский язык за рубежом*. 2010. № 5. С. 66–70. [Sapagina I. A. The basic lexical representation of the concept heart in Russian and Chinese languages. *Russian Language Abroad*, 2010, (5): 66–70. (In Russ.)] EDN: MVMFKJ
- Стернин И. А., Саломатина М. С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: Истоки, 2011. 150 с. [Sternin I. A., Salomatina M. S. *The semantic analysis of a word in the context*. Voronezh: Istoki, 2011, 150. (In Russ.)] EDN: VNIWWX

- Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997. 319 с. [Cherneyko L. O. *Linguistic and philosophical analysis of an abstract name*. Moscow, 1997, 319. (In Russ.)]
- Шаховский В. И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии. Волгоград: Перемена, 2009. 170 с. [Shakhovsky V. I. *Language and emotions in the aspect of linguistic culturology*. Volgograd: Peremena, 2009, 170. (In Russ.)]
- Эмирова А. М. Основы фразеологической идеографии. In: Эмирова А. М. *Избранные научные работы*. Симферополь: Крымучпедгиз, 2008. С. 152–177. [Emirova A. M. Fundamentals of phraseological ideography. In: Emirova A. M. *Selected scientific works*. Simferopol: Krymuchpedgiz, 2008, 152–177. (In Russ.)]
- Miura A. *Middle English verbs of emotion and impersonal constructions: verb meaning and syntax in diachrony*. Oxford: Oxford University Press, 2015, 290.
- Wierzbicka A. Defining emotion concepts. *Cognitive Science*, 1992, 16(4), 539–581. https://doi.org/10.1207/s15516709cog1604_4
- Wierzbicka A. *Emotions across languages and cultures: diversity and universals*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999a, 349. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511521256>
- Wierzbicka A. Emotional universals. *Language Design: Journal of Theoretical and Experimental Linguistics*, 1999b, 2: 23–69.